

СИСТЕМО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
М.А.К. ХОЛЛИДЕЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРА

Е.А. Кытманова

Аннотация. В статье рассматривается системно-функциональная теория языка М.А.К. Холлидея в ее связи с жанровыми исследованиями. Дается анализ функционального подхода к языку в рамках «сиднеевской школы» лингвистики в аспекте эволюции ее теоретических подходов: от функциональной грамматики до процессуальной модели жанра. Особое внимание уделяется проблеме связи языка, социума и культуры, осуществляющейся не напрямую, а посредством ряда семиотических форм, имеющих психолингвистическую природу, к которым можно отнести и жанр. Статья помогает пересмотреть сложившееся в отечественной филологии традиционное представление о жанре как о разновидности стиля.

Ключевые слова: системно-функциональная лингвистика, социальный контекст, культурный контекст, семиотическая система, жанр.

Для цитирования: Кытманова Е.А. Системно-функциональная лингвистика М.А.К. Холлидея и теория жанра // Преподаватель XXI век. 2024. № 3. Часть 2. С. 356–373. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-356-373

M.A.K. HALLIDAY'S SYSTEMIC FUNCTIONAL LINGUISTICS
AND GENRE THEORY

356

Е.А. Kytmanova

Abstract. The article deals with M.A.K. Holliday's systemic-functional theory of language in its connection with genre studies. It analyzes the functional approach to language within the framework of the "Sidney school" of linguistics in the aspect of the evolution of its theoretical approaches starting from functional grammar to the procedural model of genre. Special attention is paid to the problem of the connection among language, society and culture, which is realized not directly, but through a number of semiotic forms of psycholinguistic nature, to which genre can be attributed. The article helps to revise the traditional idea of genre as a kind of style, which has been established in Russian philology.

© Кытманова Е.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *systemic functional linguistics, social context, cultural context, semiotic system, genre.*

Cite as: Kytmanova E.A. M.A.K. Halliday's Systemic Functional Linguistics and Genre Theory. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 3, part 2, pp. 356–373. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-3-356-373

В настоящее время в западной англоязычной лингвистике существует три подхода к жанровым исследованиям: в рамках неориторики (С. Miller, A. Freedman and P. Medway, Ch. Bazerman), «языка для специальных целей» (J. Swales, V. Bhatia, K. Hyland) и системно-функциональной лингвистики (М.А.К. Halliday, J. Martin) [1].

Неориторическая традиция делает значительный акцент на социальной ситуации как контексте для порождения и интерпретации жанра. Жанр приравнивается к социальному действию, являясь своеобразным алгоритмом поведения в той или иной ситуации общения. Данное направление использует диахронический подход для анализа эволюции жанров [2] и этнографические методы (опросы, интервью) [3; 4] для изучения текстовых практик представителей различных языков и культур. Текстовые особенности жанра не исследуются как таковые, а лишь во взаимосвязи с риторическими стратегиями.

В рамках направления «язык для специальных целей» жанр понимается как класс коммуникативных событий, участники которых имеют общие коммуникативные цели, регулируемые установками дискурса [5; 6]. Это направление является прикладным, предусматривающим связь теории жанра с практикой преподавания иностранных языков, однако собственно языковой аспект здесь почти не рассматривается, поскольку анализируются главным образом риторические стратегии, воплощенные в структуре текста.

В системно-функциональной лингвистике жанр рассматривается с позиций семиотического подхода со строго лингвистической точки зрения, что, на наш взгляд, является более перспективным, поскольку позволяет объединить социальный и психологический аспекты речи и вплотную подойти к истокам жанра.

Актуальность исследования обусловлена практикой обучения языкам, необходимостью выработки эффективных механизмов продуцирования и понимания текстов и повышения коммуникативной культуры, а также возможностью приблизиться к извечной лингвистической проблеме происхождения языка и речи.

В исследовании используются следующие методы: анализ научных работ М.А.К. Холлидея и других представителей системно-функциональной лингвистики в диахронии, их сопоставление с научными взглядами на природу жанра отечественных филологов и психологов.

Предметом данной статьи является системно-функциональный подход, который был основан австралийским ученым английского происхождения М.А.К. Холлидеем и его коллегами по университету г. Сиднея (отсюда название «сиднеевская школа») и который, с нашей точки зрения, заложил глубокие основы для развития жанровой теории в лингвистике как в теоретическом, так и в прикладном значении.

Суть учения была изложена в целом ряде работ, ключевой из которых является «Введение в функциональную грамматику» (*An Introduction to Functional Grammar*, 1985),

хотя теория начала разрабатываться еще в начале 1960-х гг. и находится в развитии по сей день.

Изучая семантику придаточных предложений в английском языке, М.А.К. Холлидей пришел к выводу о том, что при всем многообразии значений «клаузы» (простые предложения) можно группировать по трем категориям: переходности (transitivity), наклонению (mood) и теме (theme). Понимание данных категорий выходило за рамки традиционно лингвистического. Так, под «переходностью» понималась связь предложения с внеязыковой реальностью как внешней, так и внутренней (представление мысли и чувства в языке), под «наклонением» — организация участников речевой ситуации с точки зрения их коммуникативных намерений (сообщение, вопрос, побуждение к действию, подтверждение, опровержение, возражение и т. д.), в качестве «темы» рассматривалось актуальное членение предложения [7].

Взяв идею актуального членения предложения у Пражской лингвистической школы, М.А.К. Холлидей фактически наполнил понятия «тема» и «рема» другим содержанием. У В. Матезиуса тема предложения не имеет строгой привязки к какой-то определенной его части (к началу, середине или концу), но определяется контекстно и семантически [8]. У М.А.К. Холлидея темой предложения является его исходный пункт, начальная синтаксическая позиция, совпадающая с логическим или формальным субъектом, а под ремой понимается не смысловое ядро высказывания, а то, что следует за темой. По мнению некоторых лингвистов, такой взгляд на функциональную перспективу предложения, с одной стороны, нарушает главное положение Пражской школы, состоящее в том, что в зависимости от конкретной (т. е. обусловленной контекстом) ситуации одно и то же предложение может иметь разную тема-рематическую структуру и является главным объяснительным принципом связности предложений в тексте, а с другой — «уходит в более глубокую сферу информационных текстовых структур, оперирующих оппозицией данного/нового» [9, с. 29].

Опираясь на труды Пражской лингвистической школы, которые, в свою очередь, были во многом стимулированы открытием К. Бюлером [10] трех функций языка, М.А.К. Холлидей создает функциональную модель предложения, представляющую собой объединение трех систем: эмпирической (experiential), межличностной (interpersonal) и интратекстуальной (intratextual), что соответствует трем функциям языка по К. Бюлеру или трем уровням высказывания по Ф. Данешу [11]: репрезентативной, межличностной (объединяющей экспрессивную и апеллятивную функции по К. Бюлеру) и интратекстуальной (соответствующей уровню организации высказывания по Ф. Данешу) [12].

Функциональная модель предложения у М.А.К. Холлидея перерастает в модель языка и формулируется следующим образом: «Под функциональной теорией языка я имею в виду такую теорию, которая стремится объяснить языковую структуру и языковые явления, исходя из того факта, что язык играет определенную роль в нашей жизни и призван обслуживать определенные универсальные потребности человеческого коллектива» [13, с. 118].

Отрицая внешние подходы к языку, ученый поставил своей целью «создать функциональную схему, которая, не будучи подвержена внешним влияниям, будет учитывать внутреннюю природу языка — его семантические и синтаксические модели», что позволит получить общую характеристику семантических функций, иными словами, «семантический потенциал системы языка» [там же, с. 119].

Рассуждая таким образом, М.А.К. Холлидей выделяет следующие функции языка: концептуальную (*ideational*), оценочно-коммуникативную (*interpersonal*) и текстовую (*textual*), которые мы рассмотрим подробнее, поскольку они лежат в основе системно-функциональной теории.

Под первой функцией автор понимает идеи, мысли, которые говорящий воплощает в языке, выражая свое восприятие явлений объективной действительности. Используя термин «идеация», М.А.К. Холлидей дает определенные ассоциации вдумчивому читателю. Во-первых, понятие «идеации» является ключевым в феноменологии Э. Гуссерля и означает «созерцание сущности». Во-вторых, это понятие психологии (англ. *ideation*), означающее «произвольное оперирование образами (представлениями) актуально невоспринимаемых, отсутствующих стимулов» [14]. Через эту функцию человек выражает свое восприятие реального мира. Данная функция объединяет не только отображения внешних явлений в языке, но и внутреннего мира, сознания человека. Именно через эту функцию возможны процессы говорения и понимания.

Интерес к психологической стороне языковых явлений проявляется у М.А.К. Холлидея [13] в выделении двух компонентов данной функции: эмпирического (*experiential*) и логического (*logical*). Первый компонент связан с тем, что язык облекает в некоторую форму накопленный человеком опыт (*experience*) и создает, в свою очередь, своеобразную призму семантической системы, через которую человек воспринимает мир. Второй компонент связан не с восприятием, но с логическими отношениями, которые находят отражение в языке, например, отношения соположения в логическом ряду приложения, модификации и т. п.

Под межличностной (*interpersonal*) функцией автор понимает функцию языка, благодаря которой «говорящий использует язык как средство для собственного вторжения в речевой акт: выражение своего мнения, своего отношения и своих оценок, выражение отношений, которые он устанавливает между собой и слушателем — в особенности для выражения той коммуникативной роли, которую он берет на себя» [там же, с. 120]. Как можно заметить, эта функция является исключительно коммуникативной, и, как утверждает автор, «не имеет ничего общего с выражением содержания» [там же]. Однако здесь М.А.К. Холлидей несколько противоречит себе, поскольку в описании концептуальной (или «идеационной») функции говорящий не просто отображает реальный мир, но и выражает свое отношение к нему. Следовательно, первая и вторая функции пересекаются. Выражение своего мнения, оценки, отношения к явлениям реального мира сочетается с установлением отношений между говорящим и слушателем с учетом их социальных ролей.

Межличностная функция также включает две подфункции: экспрессивную и конативную. Очевидно, что их объединение в одну (у К. Бюлера они имеют разное значение) было обусловлено тем, что М.А.К. Холлидей не видел различий в их языковом выражении. Так, по его мнению, вопросительная форма объединяет экспрессивную и конативную функцию. Думается, что перевод данной функции как «оценочно-коммуникативной» не совсем точен, поскольку в широком смысле М.А.К. Холлидей имел в виду выражение личностного начала в языке как в форме экспрессии (самовыражения), так и в форме воздействия на личность другого.

Если первые две функции являются внешними по отношению к языку, то третья (текстовая функция) — внутренней. Именно благодаря текстовой функции «язык

осуществляет связь с конкретной ситуацией, и таким образом становится возможным речевой акт, поскольку говорящий и пишущий могут создать текст, а слушающий и читающий могут его понять» [там же, с. 121]. Хотя данную модель и можно считать шагом вперед в развитии функциональной лингвистики, нельзя не отметить тот факт, что М.А.К. Холлидей объединяет функции языка как системы с функциями одного из элементов этой системы, что входит в противоречие с иерархическим принципом организации языка. Поскольку организующими (или текстообразующими) возможностями обладают все элементы системы языка, начиная с фонетического уровня, то функциональная перспектива предложения не может быть вынесена за скобки общего функционального потенциала всех средств языка.

Необходимость выделения инструментальной функции языка, возможно, была актуальна на определенном этапе исследования (включение текстовой функции в состав базовых позволило автору выйти на уровень анализа текста задолго до появления лингвистики текста) и поэтому оправдана, однако нельзя не усомниться в том, что если понимать язык как инструмент человеческого познания, общения и самовыражения, то выделение отдельной инструментальной функции имеет какой-то смысл. Очевидно, это связано с тем, что язык воспринимался М.А.К. Холлидеем как некая сущность в отрыве от человека. В итоге не человеку принадлежит функция организации и регулирования своих инструментов, а самим этим инструментам, которые выступают как саморегулирующиеся системы.

Следующим этапом в развитии идей М.А.К. Холлидея было построение семиотической модели языка и развитие понятия «регистра». Вводя данное понятие, М.А.К. Холлидей пытается решить проблему соотношения системы и среды и добивается важных эвристических результатов.

Рассматривая язык с позиции говорящего, М.А.К. Холлидей ставит знак равенства между социальным и языковым поведением. Для ученого выбор значения из семантического потенциала языка (*meaning potential*) равнозначен выбору социального поведения (*behaviour potential*). На каждом уровне языка как знаковой системы существует выбор того, что говорящий может сказать, т. е. сделать (*can do*) лингвистически. И в отношении грамматики, и в отношении фонетики существует ряд стратегий и тактик выбора конкретного формального воплощения мысли и реализации социального поведения, поскольку существует связь между системой языка и социальным контекстом.

Важным, с нашей точки зрения, было открытие М.А.К. Холлидеем того, что при переходе от неязыковых к языковым явлениям существует несколько уровней кодирования. Первоначально М.А.К. Холлидей выделяет два: семантический и грамматический [15]. Ученый утверждал, что «невозможно напрямую связать социальное поведение с грамматикой. Это очень сложные взаимоотношения, которые требуют промежуточного уровня репрезентации, посредством которого мы можем выразить потенциал смысла, ассоциируемый с определенным типом поведения» [Ibid, p. 11]. Таким переходным звеном от социального поведения к языковому для М.А.К. Холлидея стали семантические сети (*semantic networks*).

Основываясь на работе Сиднея Лэма [16], автора стратификационной грамматики (альтернатива генеративной грамматики Н. Хомского), М.А.К. Холлидей сделал вывод,

что когнитивные структуры имеют строение, изоморфное языковому (языковые сети С. Лэма графически представлены как параллельные уровни языковых единиц, которые пронизывают тактики выбора: фонотактики, морфотактики и т. д.), и, следовательно, семантическую сеть можно представить как парадигматические отношения на семантическом уровне.

Семантическая сеть по М.А.К. Холлидею — это гипотеза о возможных моделях значения, и для того, чтобы быть актуальной, она должна удовлетворять ряду условий: 1) объяснять диапазон альтернатив на самом семантическом уровне; 2) связывать эти альтернативы с некой общей социальной теорией или теорией поведения, а также с грамматическими категориями и формами [15, р. 4–5]. Язык стал рассматриваться не как иерархическая система уровней отношений, а как сеть парадигматически взаимосвязанных элементов, обеспечивающих говорящему возможность выбора оптимального варианта в соответствии с его коммуникативными намерениями и ситуацией общения с помощью системы двухкодového переключения: семантического и грамматического.

М.А.К. Холлидей продолжает работать над социосемиотической теорией языка, обращаясь к данным социологии. Идеи английского ученого-социолога Б. Бернштейна [17] о социальном контексте как семиотической структуре помогли развить представление о ситуативном контексте как сложном целом, имеющем три измерения: процесс социальной деятельности (*field*), который преимущественно отражается в тематике текста; ролевые отношения участников этой деятельности (*tenor*), основными из которых являются статусные; и знаковый, или риторический, канал устной или письменной формы осуществления коммуникации (*mode*). Таким образом была создана концептуальная модель, репрезентирующая социальный контекст как семиотическое пространство, в котором люди обмениваются смыслами. Эта модель получила название «регистр» (*register*) — «конфигурация семантических ресурсов, которую представители одной культуры ассоциируют с определенной социальной ситуацией» [18, р. 267].

Понятие регистра у М.А.К. Холлидея вызывает значительные затруднения в понимании, поскольку оно не коррелирует ни с одним из терминов ни грамматики, ни стилистики, используемых в отечественном языкознании. Регистр нельзя отождествлять с понятием «стиль», принятом в отечественном языкознании, поскольку он не является (в отличие от стиля) языковым явлением. Отталкиваясь от формулировки В.В. Виноградова, стиль определяют как «общественно осознанную, исторически сложившуюся, объединенную определенным функциональным назначением и закрепленную традицией за той или иной из наиболее общих сфер социальной жизни систему языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления» [19, с. 508].

Регистр в концепции М.А.К. Холлидея также не является идентичным изоморфному термину в теории коммуникативного синтеза Г.А. Золотовой, где под «регистром» понимается не семиотическая модель ситуации, а коммуникативный тип речи [20], хотя эти теории имеют некоторые черты сходства, отмеченные исследователями [21].

Более точным эквивалентом «регистра» можно считать «контекст», который понимается в широком плане как «среда» — социальная и культурная — для формирования

смысла высказывания. Как справедливо заметила И.В. Арнольд, «вся история науки о контексте и есть история изучения зависимости системы от среды» [22, с. 123], а системно-функциональная лингвистика М.А.К. Холлидея поставила эту проблему во главу угла своих исследований.

С позиции системно-функциональной лингвистики переход от экстралингвистической среды к языку происходит поэтапно: сперва на семиотическом уровне (уровне регистра-контекста ситуации), затем семантическом (план содержания), и далее — лексико-грамматическом (план выражения).

Три измерения, или три элемента структуры регистра, действуют одновременно, моделируя текст, связывая его с ситуацией и в то же время — с системой языка через функциональные компоненты семантического значения: *field* ассоциируется с концептуальной функцией (*ideational*), *tenor* — с межличностной (*interpersonal*), а *mode* — с текстовой (*textual*). Эти три элемента представляют собой концептуальную схему, репрезентирующую социальный контекст как семиотическую среду, в которой люди обмениваются смыслами, и они же представляют ситуацию в ее генеративном аспекте. Хотя данные элементы и не являются единицами языка, но связаны с таковыми. *Field* (понятийная область) управляет лексикой, *tenor* координирует модальность и интонационные модели, а *mode* — формы связности, интонационные модели, актуальное членение предложения и формы дейксиса.

Текстовый компонент представляется основным в данной схеме, поскольку именно он выполняет операциональную функцию, связывая язык с социальным контекстом и позволяя, по мнению М.А.К. Холлидея [23], двум другим компонентам семантической системы — концептуальному и межличностному — актуализировать свои смыслы. Таким образом, регистр напрямую не увязывает языковые ресурсы с ситуацией общения, но возводит между ними семантическую сетку, которая и определяет возможность выбора.

Различия между регистрами составляют не только содержание высказывания, но и способ выражения (что сказано и как). Похожие идеи были высказаны Ю.М. Лотманом: «Вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей. <...> Внетекстовые связи произведения могут быть описаны как отношение множества элементов, зафиксированных в тексте, к множеству элементов, из которых был осуществлен выбор данного употребленного элемента» [24, с. 69].

В рамках социосемантической концепции М.А.К. Холлидей рассматривает и понятие жанра, которое, по его мнению, не принадлежит структуре языка, но является семиотической структурой более высокого уровня, которая, вероятно, входит в состав регистра в рамках такого его компонента, как *mode*. Под жанром ученый понимает «специфические семиотические функции текста, которые обладают социальной значимостью в определенной культуре» [23, р. 145]. При этом отмечается, что жанр может влиять на два составляющих компонента семантической системы (концептуальный и межличностный), а через них — на выбор языковых средств.

Теория М.А.К. Холлидея постоянно пребывала в движении. От статьи к статье понятия *field*, *tenor*, *mode* обрастали все новыми уточняющими значениями. В последнем прижизненном издании «Введения в функциональную грамматику» (2014) М.А.К. Холлидея [25] мы видим следующие изменения:

field становится более процессуальным: отныне это не только предмет или тема, уклавывающие на сферу деятельности, но и сама эта деятельность, причем как социальная, так и знаковая;

tenor акцентирует не только роли участников социо семиотической деятельности (институциональные, статусные, контактные, социометрические), но и отношение, которое участники выражают (нейтральное, позитивное или негативное);

mode расширяет диапазон семиотических систем, участвующих в смыслообразовании (теперь это не только язык, но и другие знаковые системы), и своих функций, ключевыми из которых являются три: 1) разделение социальных и семиотических видов деятельности; 2) различение языка и других семиотических систем; 3) определение риторической формы текста: ориентация на тематический аспект (информативный, дидактический, экспликационный и т. д.) или коммуникативный (убеждающий, призывающий, полемический); диалог или монолог; устная или письменная форма; фонетический или графический канал коммуникации.

Исходя из того, что текст — это «язык, функционирующий в контексте» [Ibid, p. 3], М.А.К. Холлидей отводит языку роль ресурса семантической деятельности, а тексту — процесса. Ученый признает, что все составляющие социальной ситуации, семиотической моделью которой является регистр, могут быть взяты за основу классификации текстов, однако предлагает начать именно с процессуального аспекта (*field*), признавая его основополагающим в текстообразовании. Это очень показательно, поскольку подчеркивает связь между формированием текста, социальной деятельностью и речемыслительной деятельностью. Как можно заметить, изначально абстрактная статическая модель функций языка становится деятельностной и динамической.

Виды деятельности, формирующие ситуацию, подразделяются на поведенческие и семантические, т. е. имеется в виду традиционное разделение на действия физические и ментальные. Последние имеют несколько модусов: «развертывание» — расширение знания о мире, категоризация явлений или объяснение их; «сообщение» — сообщение о конкретных явлениях, их хронологизация, обзор или перечисление; «воссоздание» — воссоздание событий, явлений жизни в художественных образах; «общение» — разделение мыслей и чувств с собеседником; «побуждение», «предписание», «исследование», которые определяются целью деятельности [Ibidem].

Именно ментальным действиям М.А.К. Холлидей уделяет большее внимание, и они получают более подробную детализацию. Очевидно, потому, что любое текстообразование начинается с ментальных действий, которые затем разворачиваются во внешний план и корректируются ситуацией. Получается, что целевой компонент является внешним по отношению к другим аспектам ситуативного контекста, поскольку исходит от личности говорящего, его коммуникативного намерения и того вида деятельности, который он выполняет. Видимо, данная позиция заставляла М.А.К. Холлидея утверждать, что его социосемантика не учитывает намерений говорящего, а только отражает ситуацию выбора, на который влияет ситуативный и культурный контекст. Между тем, как можно заметить, отсутствие намерения делает ситуацию выбора бессмысленной, на что обращали внимание многие ученые.

Так, канадский исследователь Майкл Грегори [26] предложил разложить понятие *tenor* на две составляющие: личностную (подразумевает учет статуса собеседника, ранжируется от фамильярного до строго официального) и функциональную (цель

говорящего: дидактическая/недидактическая). Введение цели делало переход от понятия регистра к семантической языковой модели затрудненным, поэтому не было учтено М.А.К. Холлидеем, однако создание еще одной семиотической системы — системы жанра — стало объединяющей для регистра и языка [27].

В дальнейших исследованиях М.А.К. Холлидея жанр остается включенным в понятие регистра, однако его роль в создании текста становится уже принципиально значимой. Жанр рассматривается как семиотическая система более высокого уровня, чем язык, но которая находит выражение в языке, причем ее влияние на текстообразование является определяющим: «Существуют три фактора, — отмечал М.А.К. Холлидей, — которые отличают текст от «не-текста»: жанровая структура, текстовая структура (тематическая и информационная) и когезия» [28, р. 45]. Интересно, что М.А.К. Холлидей выносит когезию за пределы языка, хотя это, по сути, основная функция, позволяющая тексту генерировать смысл и быть текстом (языком в действии).

Исследования М.А.К. Холлидея в области грамматики и социальной семиотики дополнялись исследованиями психолингвистическими, поскольку преимущественный интерес ученого к концептуальной (идеационной) функции языка продвигал его к изучению человеческого мышления и формирования речевых навыков. Так, М.А.К. Холлидей в течение нескольких лет исследовал языковое развитие ребенка (Найджеда), пытаясь установить фазы развития детской речи и связь языка с высшими психическими функциями.

На основании своих исследований М.А.К. Холлидей пришел к выводу о существовании у ребенка «протоязыка» — символического кода, предшествующего семантическому, собственно языковому коду — который является начальным инструментом социализации и одновременно развития мышления, достаточного для перехода на следующую ступень (овладение семантическим кодом, с помощью которого только и возможно приобщение к культуре). Данные идеи были изложены как теория общего обучения на языковой основе [29].

Взгляды М.А.К. Холлидея оказались близки идеям Л. Выготского [30], хотя ученый и не опирался на труды последнего. И М.А.К. Холлидей, и Л. Выготский рассматривают язык как инструмент культуры. Л. Выготский как психолог больше заинтересован во внутреннем психическом развитии, он оперирует концептами «понятие» и «значение», его инструментом является анализ значения слова, важность представляют его выводы о «внутренней речи».

М.А.К. Холлидей как лингвист социального направления делает акцент на социальном поведении и роли языка в реализации социальных целей. Однако, как он признает, важнейшей из этих целей является формирование значения. На эту особенность семантики М.А.К. Холлидея обращали внимание многие ученые. Так, например, Гордон Уэллс очень верно заметил, что невозможно свести все действия только к «значению» (*meaning*), поскольку такое понимание «значения» не учитывает инструментальную функцию языка в достижении цели в других видах семиотической деятельности [31, р. 83]. Автор также приводит в пример утверждение Л. Выготского о том, что речевая деятельность по созданию смысла хотя и является самой важной, но не единственной формой знакового посредничества, и чтобы понять значимость какой-либо конкретной деятельности, необходимо распознать цели той деятельности, которая опосредуется знаками.

Открытия М.А.К. Холлидея в области функциональной грамматики и социосемантики были весьма резонансными. Понятие «регистра» в качестве интерпретационной рамки, с помощью которой говорящий оценивает ситуацию, ее участников и планирует возможные семантические варианты текста, а слушающий выстраивает свои стратегии понимания, стало необходимым посредническим концептом, за которым возникало нечто новое, позволяющее установить связь между текстом и его социо-семиотическим окружением — понятие жанра. Хотя сам ученый применял данный термин только для описания текста (он также был очень осторожен с использованием термина «жанр» и практически исключил его из последнего издания своей функциональной грамматики), многие исследователи увидели в регистре открывшиеся возможности для сведения всего многообразия речевых произведений к какому-то конечному числу, к группам текстов, которые традиционно в литературоведении и риторике называли жанрами.

Так, Джон Фроу, австралийский ученый в области теории литературы и нарратологии, применил концептуальную схему регистра к описанию типов текста. Опираясь на труды Волошинова — Бахтина о речевых жанрах [32], Дж. Фроу усмотрел в понятии «регистр» сходство с понятием «речевой жанр» и выдвинул предположение о том, что при бесконечно возможном числе регистров количество типов текста (жанров) будет ограничено и может быть сведено лишь к трем группам (по числу составляющих регистра, согласно семиотической модели М.А.К. Холлидея — *field, tenor, mode*). Принадлежность текста к тому или иному типу определяется тем, какое из составляющих регистра преобладает в тексте [33].

Первоначально классификация Дж. Фроу выглядела довольно хаотичной, поскольку ученый объединил в одну и ту же группу языки, виды дискурса и конкретные жанры. Так, например, язык науки, профессиональный жаргон, административный дискурс, политические дебаты и философский диалог были включены в группу жанров с доминированием аспекта *field* [Ibid, p. 75]. Однако позднее Дж. Фроу приходит к выводу, что суть жанра заключается не в его классификационном потенциале, но в фиксации во «внутренней» структуре жанра исторически обусловленных кодификаций разговорных практик [34, p. 1629]. Развивая эту концепцию в более поздних публикациях, ученый определяет жанр как «систему ограничений, которая накладывается на генерирование и интерпретацию смысла, являясь безусловным основанием для возникновения последнего» [35, p. 10]. По сути, выражая идею М. Бахтина о жанрах как «приводных ремнях от истории общества к истории языка» [36, p. 256], Дж. Фроу также подчеркивает культурную роль жанра, задача которого заключается в том, «чтобы быть посредником» (*to mediate*) между социальной ситуацией и текстом, который реализует (воплощает) конкретные черты этой ситуации или откликается на нее [35, с. 14]. Между тем природа жанра в интерпретации Дж. Фроу остается неясной. Стремясь постичь то, как жанры оформляют наше представление о мире, ученый отходит от языковой модели М.А.К. Холлидея, распространяя понятие жанра на различные виды искусств, и упускает тем самым связь между текстуальностью (в широком смысле слова) и человеческим мышлением.

Идеи М.А.К. Холлидея о языке как социальной семиотической системе нашли отражение и в статье Кэролин Миллер о жанре как социальном действии [37]. К. Миллер опирается на идею М.А.К. Холлидея о том, что все социальные ситуации можно

свести к нескольким типам, поскольку ситуация — это семиотическая структура. Ситуативный тип является основой для генерирования значения. Старые риторические представления о жанре неизбежно входят в противоречие с этим новым пониманием, поэтому главная проблема, как считает К. Миллер, — прояснить отношения между риторикой и ситуативным контекстом и понять, как жанр «смешивает» ситуационные, формальные и содержательные аспекты [Ibid, p. 155].

Таким образом, жанр понимается как типизированное риторическое действие, которое приобретает смысл благодаря связи с конкретной ситуацией и социальным контекстом, в котором данная ситуация возникает. Композиционная и лексико-грамматическая форма действия обусловлены социальным запросом (*social exigence*), т. е. возникает как реакция на требования социальной среды.

К. Миллер также проводит различие между жанром и формой: жанр отличается от формы тем, что представляет собой слияние формы с содержанием. Иначе говоря, жанр — это значимая форма. Жанр способен стать содержанием для форм более высокого уровня (языковых). Являясь повторяющимися образцами языкового употребления, жанры составляют содержание культуры. Жанр является риторическим средством, посредником между личностными устремлениями и социальным требованием. Жанры стимулируют речевой процесс, помогая связать личное с общественным, единичное с повторяющимся [Ibid, p. 163], и, «будучи повторяющимся действием, исполненным смысла, жанр воплощает собой аспект культурной рациональности» [Ibid, p. 165]. Концепция К. Миллер, связывающая жанр с действием, значительно приблизила жанровую теорию к пониманию сути жанра, поскольку вписала речевую деятельность человека в его социальную деятельность.

Ученые «сиднеевской школы» Рукия Хасан и Джеймс Мартин также развивали идеи системно-функциональной теории применительно к жанру, но высказывали разные взгляды.

Р. Хасан считала, что главную, конституирующую роль для жанра играет не социум, а язык [38]. В случае тех речевых ситуаций, когда действует несколько семиотических кодов, язык помогает воссоздать потенциал возможных структурных вариантов текста. Связь между языком и семиотической моделью жанра осуществляется через композицию. Р. Хасан вводит понятие «потенциал общей структуры» (*Generic Structure Potential*), описывающее диапазон композиционных структур для всех текстов определенного жанра. Автор показывает, как каждый элемент композиционной структуры находит языковое выражение через определенные семантические свойства. Например, вступление (зачин) характеризуется «уточнением» (*particularization*), «обезличиванием» (*impersonalization*) и «временной дистанцией» (*temporal distance*), которые можно считать жанрообразующими для жанра детской сказки [там же]. В концепции Р. Хасан прослеживается связь жанра с мышлением через явление композиции, которая представляет собой не формальные части текста, а ментальные действия, совершаемые рассказчиком.

Наибольший вклад в развитие теории жанра в рамках системно-функциональной лингвистики внес Дж. Мартин, который, развивая концепцию М.А.К. Холлидея о регистре и основываясь на идеях Б. Малиновского [39] о ситуативном и культурном контексте, а также теории Л. Ельсмлева [40] о денотативных и коннотативных семиотических системах, предложил свое понимание жанра.

По мнению Дж. Мартина, жанр — это «семиотическая система, которая отличается от других семиотических систем, таких как язык, музыка, танец, образ и т. д., тем, что является своего рода паразитом, поскольку не имеет своей собственной фонологии. Единственный способ, с помощью которого жанр может создавать значение, — это использование слов и синтаксических структур той семиотической системы, которую мы называем «язык» [27, р. 155]. Будучи семиотической системой более абстрактного уровня, чем язык, жанр вписывается в более широкий — не только социальный, но прежде всего культурный — контекст, который понимается как идеология. Таким образом, жанр включается в цепочку последовательных реализаций: идеология (культурный контекст) реализуется в жанре, жанр — в регистре (социальный контекст), а регистр — в системе языка [41].

В то же время жанр — это стадийный процесс, ряд целенаправленных социальных действий (*staged goal-oriented social process*). Социальным этот процесс является потому, что жанр — это форма взаимодействия людей; целенаправленным — потому что с помощью жанров осуществляются речевые действия; стадийным — поскольку достижение целей происходит поэтапно [42, р. 8]. Таким образом, жанр в концепции Дж. Мартина отвечает за систему социальных действий, их взаимосвязь и преобразование в текст, обеспечивая способ существования социальных субъектов в определенной культуре. Признавая таковую функцию жанра и располагая жанр за регистром как явление более широкого контекста, Дж. Мартин между тем существенно снижает психолингвистический потенциал жанра в текстообразовании и необоснованно преувеличивает его культурную роль, утверждая, что жанр способен моделировать социальный контекст. К сожалению, ученый не объясняет механизмов действия жанра как системы социальных процессов, но сосредоточен на классификации жанров в учебных целях, а также способах декодирования и продуцирования жанров.

Дж. Мартин классифицирует жанры, совмещая традиционную для грамматики типологию (линейно-структурную форму) и предложенную им новую топологию (пространственную форму). На примере двойной типологической-топологической классификации учебных текстов по истории ученый показывает, насколько полной и адекватной будет характеристика текста с учетом большего числа параметров, в число которых входит учет «модуса» текста (пропозициональный или аргументативный), «фокуса» (сосредоточенность на одной личности или на групповом объекте), «времени» (совпадение/несовпадение реального и текстового времени) и «логики» в развертывании текста (временной или каузативной) [43]. Применяя два типа классификации (типологическую и топологическую), Мартин отдает предпочтение топологической, распределяющей учебные тексты по степени сложности, подчеркивая их близость устным формам и делая акцент на типах развертывания текста в том или ином жанре. При учете множества факторов, охватывающих, по мнению автора теории, все аспекты значений или метафункций языка (идеационной, межличностной и текстовой), наиболее ярким маркером жанра оказывается композиция и тип тема-рематического развертывания текста, относящиеся к текстовой функции. Так, можно сделать вывод, что группы жанров определяются по ведущему виду деятельности, которая осуществляется при их посредстве, а внутригрупповые различия основываются на композиционных особенностях и типах развертывания текста.

Заключение

Системно-функциональная лингвистика М.А.К. Холлидея возникла как попытка грамматического обоснования функций языка и его связи с экстралингвистическим контекстом, сначала социальным, а затем культурным. Ученым было высказано предположение, что связь с контекстом осуществляется не напрямую, а через построение семиотической модели социальной ситуации (регистра), которая затем накладывается на семантическую систему трех функций языка (концептуальной, межличностной и текстовой). В такой модели социальный контекст и язык находят взаимное отражение: язык объясняется контекстом и формирует социальный контекст. Стратификация контекста привела к включению в его орбиту понятия «жанр», которое получило неоднозначное толкование в рядах функциональных лингвистов. Одни ученые соотносили понятие «жанр» с понятием «регистр», делая акцент на социальной и деятельностной природе жанра. Другие настаивали на независимости жанра от социальной ситуации и проявлении в нем ментальных функций либо рассматривали жанр через призму контекста как реализацию последнего.

Однако при всем различии подходов исследователи выявили ряд очень важных, с нашей точки зрения, моментов: 1) переход от речемыслительной деятельности к текстовой имеет стадийный характер и совершается с помощью особых семиотических форм, имеющих все более усложняющуюся семантическую структуру; 2) эти формы могут быть обнаружены в глубинной структуре речевого произведения и представляют собой наименьшие единицы, на которые делится текст в смысловом отношении. К ним относятся повествование (*narrative, account*), описание (*description*), рассуждение (*meditation*), которые можно назвать «коммуникативными регистрами» (Г.А. Золотова [20]), или «функциональными типами речи» (О.А. Нечаева [44], В.В. Одинцов [45]), или «композиционно-речевыми формами» (В.В. Виноградов [46], М.П. Брандес [47] и др.) и которые отражают первичный этап текстообразовательного процесса, выработанного нашим сознанием в ходе долгой эволюции, и являются, по терминологии М. Бахтина, первичными речевыми жанрами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kessler, M., Polio, C. Conducting Genre-Based Research in Applied Linguistics: A Methodological Guide. Taylor & Francis, 2023. 260 p.
2. Paltridge, B., Starfield, S. Change and Continuity in Thesis and Dissertation Writing: The Evolution of an Academic Genre // Journal of English for Academic Purposes. 2020. Vol. 48. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2020.100910> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Bazerman, C. Inscribing the World into Knowledge: Data and Evidence in Disciplinary Academic Writing // Conocer la escritura: investigación más allá de las fronteras; Knowing Writing: Writing Research Across Borders / Ed. by C. Bazerman, B. Gonzalez, et al. Bogota: Universidad Javeriana, 2019. P. 279–294.
4. Devitt, A.J. Genre for Social Action: Transforming Worlds through Genre Awareness and Action // Genre in the Climate Debate. Warsaw: De Gruyter Open Poland, 2021. P. 17–33.
5. Swales, J.M. The Futures of EAP Genre Studies: A Personal Viewpoint // Journal of English for Academic Purposes. 2019. Vol. 38. P. 75–82.

6. *Hyland, K., Wang, W., Jiang, F.K.* Metadiscourse Across Languages and Genres: An Overview // *Lingua*. 2022. Vol. 265. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103205> (дата обращения: 10.03.2024).
7. *Halliday, M.A.K.* Notes on Transitivity and Theme in English. Part 2 // *Journal of Linguistics*. 1967. Vol. 3 (2). P. 199–244.
8. *Vachek, J.* The Linguistic School of Prague: An Introduction to Its Theory and Practice. Bloomington & London: Indiana University Press, 1966. 184 p.
9. *Самоделкин, А.А.* Тема и рема в понимании пражского лингвистического кружка и системно-функциональной школы М.А.К. Хэллидея // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 24–31.
10. *Бюлер, К.* Теория языка: репрезентативная функция языка / общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной; вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 2000. 501 с.
11. *Daneš, F.* A Three-Level Approach to Syntax. Travaux Linguistiques de Prague. Prague: Éditions de l'Académie tchécoslovaque des sciences, 1964. P. 225–240.
12. *Halliday, M.A.K.* Options and Functions in the English Clause // *Brno Studies in English*. 1969. Vol. 8. P. 81–88.
13. *Хэллидей, М.А.К.* Лингвистическая функция и литературный стиль // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. С. 116–147.
14. *Большой психологический словарь* / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
15. *Halliday, M.A.K.* Towards a Sociological Semantics. Urbino: Università di Urbino, 1972. 30 p.
16. *Lamb, S.M.* Linguistic and Cognitive Networks. New Haven: Yale University, 1969. 48 p.
17. *Bernstein, B.* Class, Codes and Control. Vol. 1: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1971. 266 p.
18. *Halliday, M.A.K.* Language as Social Semiotic // *The Discourse Studies Reader* / Ed. by J. Angermüller, R. Wodak, D. Maingueneau. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. 426 p.
19. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука; Флинта, 2003. 694 с.
20. *Золотова, Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
21. *Сидорова, М.Ю.* Грамматика художественного текста: между уникальными «экземплярами» и научными обобщениями // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 35–55.
22. *Арнольд, И.В.* Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // *Вопросы языкознания*. 1991. № 3. С. 118–126.
23. *Halliday, M.A.K.* Language as Social Semiotic: Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore: University Park Press, 1978. 256 p.
24. *Лотман, Ю.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2018. 701 с.
25. *Halliday, M.A.K., Matthiessen, C.M.I.M.* Halliday's Introduction to Functional Grammar. 4th ed. London & New York: Routledge, 2014. 808 p.
26. *Gregory, M.* Aspects of Varieties Differentiation // *Journal of Linguistics*. 1967. Vol. 3 (2). P. 177–198.
27. *Martin, J.R.* Language, Register and Genre // *Analysing English in a Global Context: A Reader*. Ed. by A. Burns, C. Coffin. London & New York: Routledge, 2001. P. 3–39.

28. *Halliday, M.A.K. Text as Semantic Choice in Social Contexts // Linguistic Studies of Text and Discourse. Collected Works of M.A.K. Halliday. Vol. 2. Ed. by J.J. Webster. A & C Black, 2006. 301 p.*
29. *Halliday, M.A.K. Towards a Language-Based Theory of Learning // Linguistics and Education. 1993. Vol. 5 (2). P. 93–116.*
30. *Выготский, Л.С. Мышление и речь: сборник. М.: АСТ; Астрель, 2011. 637 с.*
31. *Wells, G. The Complementary Contributions of Halliday and Vygotsky to a “Language-Based Theory of Learning” // Linguistics and Education. 1994. Vol. 6 (1). P. 41–90.*
32. *Voloshinov, V.N. Marxism and the Philosophy of Language / trans. by L. Matejka, I.R. Titunik. New York: Seminar Press, 1973. 205 p.*
33. *Frow, J. Discourse Genres // Journal of Literary Semantics. 1980. Vol. 9 (2). P. 73–81.*
34. *Frow, J. “Reproducibles, Rubrics, and Everything You Need”: Genre Theory Today // PMLA. 2007. Vol. 122 (5). P. 1626–1634.*
35. *Frow, J. Genre. The New Critical Idiom. 2nd ed. London & New York: Routledge, 2014. 204 p.*
36. *Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.*
37. *Miller, C.R. Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. 1984. Vol. 70 (2). P. 151–167.*
38. *Hasan, R. The Nursery Tale as a Genre // Ways of Saying, Ways of Meaning: Selected Papers. Ed. by C. Cloran, D. Butt & G. Williams. London: Cassel, 1996. P. 51–72.*
39. *Malinowski, B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. Supplement 1 to C.K. Ogden and I.A. Richards The Meaning of Meaning. New York: Harcourt, Brace & World, 1923. P. 296–336.*
40. *Hjelmslev, L. Prolegomena to a Theory of Language / transl. by F.J. Whitfield. Madison: University of Wisconsin Press, 1961. 144 p.*
41. *Martin J.R. Genre and Activity: A potential Site for Dialogue between Systemic Functional Linguistics (SFL) and Cultural Historical Activity Theory (CHAT) // Mind, Culture, and Activity. 2020. Vol. 27. No 3. P. 216–232.*
42. *Martin, J.R., Rose, D. Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause. London & New York: Continuum, 2007. 375 p.*
43. *Martin, J.R. Analysing Genre: Functional Parameters // Genre and Institutions: Social Processes in the Workplace and School. Ed. by F. Christie and J.R. Martin. London: Cassell, 1997. P. 3–39.*
44. *Нечаева, О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974. 262 с.*
45. *Кожин, А.Н., Крылова, О.А., Одинцов, В.В. Функциональные типы русской речи: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.*
46. *Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Академия наук СССР, 1963. 256 с.*
47. *Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка: для институтов и факультетов иностранных языков. Учебник. М.: Высшая школа, 1983. 271 с.*

REFERENCES

1. *Kessler, M., Polio, C. Conducting Genre-Based Research in Applied Linguistics: A Methodological Guide. Taylor & Francis, 2023, 260 p.*

2. Paltridge, B., Starfield, S. Change and Continuity in Thesis and Dissertation Writing: The Evolution of an Academic Genre, *Journal of English for Academic Purposes*, 2020, vol. 48. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2020.100910> (accessed: 10.03.2024).
3. Bazerman, C. *Inscribing the World into Knowledge: Data and Evidence in Disciplinary Academic Writing*. In C. Bazerman, B. Gonzalez, et al. (Eds.) *Conocer la escritura: investigación más allá de las fronteras; Knowing Writing: Writing Research Across Borders*. Bogota, Universidad Javeriana, 2019, pp. 279–294.
4. Devitt, A.J. Genre for Social Action: Transforming Worlds through Genre Awareness and Action. *Genre in the Climate Debate*. Warsaw, De Gruyter Open Poland, 2021, pp. 17–33.
5. Swales, J.M. The Futures of EAP Genre Studies: A Personal Viewpoint, *Journal of English for Academic Purposes*, 2019, vol. 38, pp. 75–82.
6. Hyland, K., Wang, W., Jiang, F.K. Metadiscourse Across Languages and Genres: An Overview, *Lingua*, 2022, vol. 265. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103205> (accessed: 10.03.2024).
7. Halliday, M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English, part 2, *Journal of Linguistics*, 1967, vol. 3 (2), pp. 199–244.
8. Vachek, J. *The Linguistic School of Prague: An Introduction to Its Theory and Practice*. Bloomington & London, Indiana University Press, 1966, 184 p.
9. Samodelkin, A.A. Tema i rema v ponimanii prazhskogo lingvisticheskogo kruzhka i sistemno-funkcionalnoj shkoly M.A.K. Hellideya [Tema and Rema in the Understanding of the Prague Linguistic Circle and the M.A.K. Halliday School of Systems and Functionality], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 2017, No. 1, pp. 24–31. (in Russ.)
10. Byuler, K. *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funkciya yazyka* [Theory of Language: The Representative Function of Language], ed. by T.V. Bulygina. Moscow, Progress, 2000, 501 p. (in Russ.)
11. Daneš, F. *A Three-Level Approach to Syntax. Travaux Linguistiques de Prague*. Prague, Éditions de l'Académie tchécoslovaque des sciences, 1964, pp. 225–240.
12. Halliday, M.A.K. Options and Functions in the English Clause, *Brno Studies in English*, 1969, vol. 8, pp. 81–88.
13. Hellidej, M.A.K. Lingvisticheskaya funkciya i literaturnyj stil [Linguistic function and literary style]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. IX. Lingvostilistika* [New in Foreign Linguistics, iss. IX. Linguistics]. Moscow, Progress, 1980, pp. 116–147. (in Russ.)
14. *Bolshoj psihologicheskij slovar* [The Great Psychological Dictionary], ed. by B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. Moscow, AST, St. Petersburg, Prajm-Evroznak, 2009, 811 p. (in Russ.)
15. Halliday, M.A.K. *Towards a Sociological Semantics*. Urbino, Università di Urbino, 1972, 30 p.
16. Lamb, S.M. *Linguistic and Cognitive Networks*. New Haven, Yale University, 1969, 48 p.
17. Bernstein, B. *Class, Codes and Control, vol. 1: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language*. London and Boston, Routledge and Kegan Paul, 1971, 266 p.
18. Halliday, M.A.K. Language as Social Semiotic. *The Discourse Studies Reader*, ed. by J. Angermuller, R. Wodak, D. Maingueneau. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2014, 426 p.
19. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language], ed. by M.N. Kozhina. Moscow, Nauka, Flinta, 2003, 694 p. (in Russ.)

20. Zolotova, G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka, 1982, 368 p. (in Russ.)
21. Sidorova, M.Yu. Grammatika hudozhestvennogo teksta: mezhdru unikalnymi “ekzempliyarami” i nauchnymi obobshcheniyami [Grammar of a Literary Text: Between Unique “Copies” and Scientific Generalizations], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 2018, No. 4, pp. 35–55. (in Russ.)
22. Arnold, I.V. Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodejstviya sistemy i sredy [Modern Linguistic Theories of System and Environment Interaction], *Voprosy yazykoznanija* = Questions of Linguistics, 1991, No. 3, pp. 118–126. (in Russ.)
23. Halliday, M.A.K. *Language as Social Semiotic: Social Interpretation of Language and Meaning*. Baltimore, University Park Press, 1978, 256 p.
24. Lotman, Yu. *Struktura hudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of a Literary Text. Analysis of the Poetic Text]. St. Petersburg, Azbuka, 2018, 701 p. (in Russ.)
25. Halliday, M.A.K., Matthiessen, C.M.I.M. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*, 4th ed. London & New York, Routledge, 2014, 808 p.
26. Gregory, M. Aspects of Varieties Differentiation, *Journal of Linguistics*, 1967, vol. 3 (2), pp. 177–198.
27. Martin, J.R. Language, Register and Genre. *Analysing English in a Global Context: A Reader*, ed. by A. Burns, C. Coffin. London & New York, Routledge, 2001, pp. 3–39.
28. Halliday, M.A.K. Text as Semantic Choice in Social Contexts. *Linguistic Studies of Text and Discourse: Collected Works of M.A.K. Halliday*, vol. 2, ed. by J.J. Webster. A & C Black, 2006, 301 p.
29. Halliday, M.A.K. Towards a Language-Based Theory of Learning, *Linguistics and Education*, 1993, vol. 5 (2), pp. 93–116.
30. Vygotskij, L.S. *Myshlenie i rech: sbornik* [Thinking and Speech: Collection]. Moscow, AST, Astrel, 2011, 637 p. (in Russ.)
31. Wells, G. The Complementary Contributions of Halliday and Vygotsky to a “Language-Based Theory of Learning”, *Linguistics and Education*, 1994, vol. 6 (1), pp. 41–90.
32. Voloshinov, V.N. *Marxism and the Philosophy of Language*, trans. by L. Matejka, I.R. Titunik. New York, Seminar Press, 1973, 205 p.
33. Frow, J. Discourse Genres, *Journal of Literary Semantics*, 1980, vol. 9 (2), pp. 73–81.
34. Frow, J. “Reproducibles, Rubrics, and Everything You Need”: Genre Theory Today, *PMLA*, 2007, vol. 122 (5), pp. 1626–1634.
35. Frow, J. Genre. *The New Critical Idiom*, 2nd ed. London & New York, Routledge, 2014, 204 p.
36. Bahtin, M.M. Problema rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity: A Collection of Selected Works]. Moscow, Iskusstvo, 1986, pp. 250–296. (in Russ.)
37. Miller, C.R. Genre as Social Action, *Quarterly Journal of Speech*, 1984, vol. 70 (2), pp. 151–167.
38. Hasan, R. The Nursery Tale as a Genre. *Ways of Saying, Ways of Meaning: Selected Papers*, ed. by C. Cloran, D. Butt & G. Williams. London, Cassel, 1996, pp. 51–72.
39. Malinowski, B. *The Problem of Meaning in Primitive Languages. Supplement 1 to C.K. Ogden and I.A. Richards The Meaning of Meaning*. New York, Harcourt, Brace & World, 1923, pp. 296–336.

40. Hjelmslev, L. *Prolegomena to a Theory of Language*, transl. by F.J. Whitfield. Madison, University of Wisconsin Press, 1961, 144 p.
41. Martin J.R. Genre and Activity: A potential Site for Dialogue between Systemic Functional Linguistics (SFL) and Cultural Historical Activity Theory (CHAT), *Mind, Culture, and Activity*, 2020, vol. 27, No 3, pp. 216–232.
42. Martin, J.R., Rose, D. *Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause*. London & New York, Continuum, 2007, 375 p.
43. Martin, J.R. Analysing Genre: Functional Parameters. *Genre and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*, ed. by F. Christie and J.R. Martin. London, Cassell, 1997, pp. 3–39.
44. Nechaeva, O.A. *Funkcionalno-smyslovyje tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie)* [Functional and Semantic Types of Speech (Description, Narration, Reasoning)]. Ulan-Ude, 1974, 262 p. (in Russ.)
45. Kozhin, A.N., Krylova, O.A., Odincov, V.V. *Funkcionalnye tipy russkoj rechi* [Functional Types of Russian Speech: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola, 1982, 223 p. (in Russ.)
46. Vinogradov, V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1963, 256 p. (in Russ.)
47. Brandes, M.P. *Stilistika nemeckogo yazyka* [Stylistics of the German Language: For Institutes and Faculties of Foreign Languages. Textbook]. Uchebnik. Moscow, Vysshaya shkola, 1983, 271 p. (in Russ.)

Кытманова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Государственный университет просвещения, ekaterina_k@hotmail.com

Ekaterina A. Kytmanova, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, State University of Education, Ekaterina_k@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 11.03.2024. Принята к публикации 19.04.2024

The paper was submitted 11.03.2024. Accepted for publication 19.04.2024